

# КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ



Храм-памятник Спаса-на-крови  
на месте Ипатьевского дома, г. Екатеринбург

**Материалы международной  
научно-практической конференции  
(Курган, 22-24 апреля 2005 года)**

УДК 908(470)(08)  
К 90

Культура провинции: Материалы международной научно-практической конференции. - Курган:  
Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. - 222с.

В данном сборнике публикуются материалы докладов участников Международной конференции "Культура провинции". Доклады прочитаны на секциях:

1. Отражение жизни провинции в фольклоре.
2. Фольклор и литература.
3. Русский язык и языкознание.
4. Культурология.

**Редакционная коллегия:**

Федорова В.П., д-р филол. наук, проф. (отв. редактор)

ISBN 5-86328-767-5

© Курганский  
государственный  
университет, 2005

4. Федорова В.П. Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX века: Монография. – Курган, 2003. – С. 250-264.

5. В нашей статье речь идет о личных качествах знахарей, поэтому мы не даем их имен и фамилий.

## УСТНЫЕ РАССКАЗЫ ГОРНОЗАВОДСКИХ СЕЛ БЕЛОРЕЦКОГО РАЙОНА БАШКИРИИ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*И.В. Осипова*  
*г. Магнитогорск*

История русских заводских сел Белорецкого района насчитывает более 200 лет. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций в поселения региона содержат большое количество устных рассказов об историческом прошлом края, которые сохраняют основное содержательное ядро, помогая восполнить отсутствующую архивную и документальную информацию по истории края.

Категория времени в рассказах региона представлена достаточно пространно и неоднородно. Особую подпитку, «второе дыхание» устные рассказы получают благодаря появлению газетных статей, выпуску юбилейных и прочих изданий по истории края.

Из числа записанных рассказов с определенной долей условности можно выделить несколько тематических групп: рассказы о начальных этапах освоения края, его природных особенностях; о труде и быте горнозаводских рабочих; о духовной жизни поселений.

Устные рассказы о начальных этапах освоения региона содержат противоречивую информацию о появлении первых поселенцев, времени основания сел и пестроте состава населения. Сюда мы относим рассказы с топонимическими мотивами, а также рассказы о переселенцах на Южный Урал. Информанты утверждают, что на месте современных поселков раньше была тайга, непроходимый лес: «Это давно было, в начале еще. Здесь вот у нас лес сплошной был» [Тирлян, 1999].

Формирование сел шло путем принудительных переселений в Башкирию крестьян, оправки туда солдат, преступников на исправительные работы: «Кага-населенная: людей у карты пригрывали и их присылали сюда, перегоняли. Населяли возле реки. Мой дед проигранный был» [Кага, 1996].

В регионе бытует немало преданий и легенд, касающихся названия поселков. Из них наиболее распространенными версиями являются происхождение названия: 1) от реки (Узян, Авзян, Кага, Инзер, Тирлян): «Тирлян так называли по 2 причинам. Тут, одни говорят, по названию речки Тирлянка» [Узян, 1994]; 2) по фамилии человека, которому принадлежали эти места: «Узян - башкирское название, фамилия хозяина здешнего» [Узян, 1994]. Поток русских купцов, заводчиков, лесоторговцев устремляется в Башкирию в сер. XVIII в. с целью скупить у башкир земли и осно-

вать здесь свои предприятия. В ГАОО хранится дело от 20 марта 1850 г. «О продаже в собственность горным заводам Кагинскому и Узьянскому земель Башкирцев Тамьянской и Тангаурской волостей» [1]. Переселения на Южный Урал были связаны со строительством заводов, к которым приписывали людей из разных уголков России: «Люди у нас из 5 губерний: Рязанской, Московской, больше не помню. Книга была такая «История Каги»» [Кага, 2001]. «Я где-то читала, что привозили сюда людей в основном из центральных областей – Новгородской, Курской» [Кага, 2004]. До настоящего времени сохранились названия частей поселений, позволяющие говорить о том, откуда прибывали первые поселенцы (Вятка, Литва, Калуга, Мыза, Тула и др.); кто они были по национальности (Салямовка - мусульмане, Шанхай - китайские купцы): «Мама говорила, что люди были сосланы сюда. Часть называется «Литва» - с Латвии пришлые. «Завод» – местные люди» [Узян, 2001]. И сейчас в Каге есть места, называемые «этап», где, по словам старожилов, стояли заключенные и проходили карантин. Таким образом, заселение региона, по словам жителей, происходило «отовсюду», потому народ в регионе «сбродный», «неприменский»: «Присланные, пришлые были. Это заселенные люди. Авзян образовался от таких людей» [В. Авзян, 2000].

Особый интерес представляют названия жителей каждого села, их восприятие друг другом: «Жителей В. Авзяна называют «долгополые», жителей Н. Авзяна – «киргизы», жителей Каги – «кулажники». [В. Авзян, 1998]. «В Тирляне колдунов много. Ломовка – богомольные усе. Отлищались от нас» [В. Авзян, 2000].

К следующей группе относим устные рассказы о труде и быте горнозаводских рабочих. Жители рассказывают о том, в какое время и кем были построены первые заводы, давшие начало поселениям. Среди населения региона распространены рассказы, в которых начало заводов они связывают именно с Демидовым, хотя в каждом конкретном случае строителем, хозяином был другой человек (Твердышев, Мясников, Шувалов и др.): «Здесь строили завод, Демидов строил. Были у нас и Пашковы» [Тирлян, 1999].

Очень метко характеризуют жители начальников, управляющих заводами (С. П. фон Дервиза, Траппе Ф. Ф., Пенто и др.). Подобные предания содержат оценку народом исторических личностей и связанных с ними событий: «На задах у нас управляющий заводом жил, Драпка. Ох и строгий был он. Поглядить, бывало, у бинокль с горы на завод. Потом приходил и выгонял с работы. Теперь называется у нас дорога на задах «драпкина»» [Кага, 2001].

Отдельную группу составляют устные рассказы о духовной жизни поселений. Пространственная структура сел предполагала обязательное наличие храма, церкви на возвышенности. Информанты охотно вспоминают о том, какими были самые первые деревянные церкви, когда на их месте были построены новые каменные здания: «Первыми поселились охотники Медведевы из Стерлитамака. Построили церковь из дерева в виде молельного дома, потом она сгорела,

затем стали строить настоящую церковь на Поповой горе. Там жили служители церкви» [Тирлян, 1999]. Разрушение храмов в 30-е гг. 20 в., уничтожение и расхищение икон отразилось в сюжетах о святотатстве и наказаниях за него: «По горе плакали люди, стояли вокруг, где ломали церковь, богу молились. А потом всех бог наказал – погибли усе. Так и говорили – околели усе» [Кага, 2004].

В каждом из поселений региона сложилась система сакральных природных объектов, из которых основным является родник или святой источник как место паломничества в религиозные праздники. В Каге это Сажилка, в Авзяне – ключ на Малиновой горе, в Узьяне – Галкин колодец, в Тирляне таких источников несколько: «В Сажилке священная вода. Говорят, что люди умирали, обещали жилу найти. Так ходили, ногой жилу щупали, воду нашли, богом место отмечено» [Кага, 1996].

Зафиксированные рассказы содержат уникальные исторические сведения о старообрядцах региона (так называемых кержаках). В литературе отсутствует информация о раскольниках–староверах на Южном Урале, потому сведения информантов так ценны для исследования. Жители Н. Авзяна, Тирляна, Ломовки рассказывают о наличии в селах двух вер – старой и православной, в соответствии с этим о существовании двух церквей, двух кладбищ – староверческой и христианской: «Было у нас раньше 2 веры: кулугуры и староверы. Я у свата своего спросила: «Почему 2 веры-то было?» Он ответил: «Наши-то хрещенные, а их – нехрещенные». У староверов иконы были деревянные, а у нас – медные. У их своя молебня – барский дом, барская молебня. Их могильник отдельно, все больше туда хоронючь» [Н. Авзян, 1999]. «В В. Авзяне староверов было меньше, в Н. Авзяне больше. Эти староверы не ходили в общую церковь, не молились на иконы» [Кага, 2004].

Среди жителей Тирляна активно бытуют рассказы о кельях, расположенных близ поселения, в которых жили люди старой веры. Описывая их быт, информанты отмечают, что староверы жили очень скромно, естественно, правда рождение ребенка, свадьба, похороны проходили довольно скрытно, втихомолку: «Свадьбу они делают, но у них тихомолом было. У нас девки сидять, ребята заходят. А их не слышать. Черт их знает, когда у них свадьба. На похоронах никого нету, они по-своему хоронючь» [Н. Авзян, 1999]. В кельях все естественно, скоблено, вырублено, обстругано, даже выдолбленные гробы. А сами-то матушки в длинных темных юбках, черных кофточках и в черных платочках повязаны» [Тирлян, 2000].

Особая набожность, двоеперстие, индивидуальность в посуде, особенности проведения крестильного, свадебного и похоронного обрядов, бытование духовных стихов и пр. признаки отличали староверов в обыденной жизни: «Знацит, старая вера отличает-ся верностью. У них индивидуальная посуда. У них усопшего ложуть, у нас ведь ложуть лицом к образам, а у них наоборот» [Тирлян, 1999]. Информанты отмечают, что вера у старообрядцев была очень строгая, но хорошая, истинная: «Веровали они лучше на-

шего. Да и у нас строго все было, но у них строже. Они все праздники знали божественные» [Тирлян, 2000].

Единичные документы ГАОО отчасти подтверждают, что в регионе действительно жили староверы. Так, в «Деле Оренбургского по крестьянским делам присутствия» говорится о «намерении сооружения в Ломовке Богоугодного храма, который ныне средствами местных жителей и с помощью других лиц уже сооружен» [2]. К сожалению, некоторые из документов, явно указывающие на факт раскольничества в горнозаводских селах района, на данный момент являются недоступными для изучения по причине пожара в ГАОО («Дело по обвинению крестьянина Авзяно-Петровских заводов К. Игнатъева в хранении раскольничьих книг» (1758г.)) [3].

Итак, на территории Белорецкого района активно бытуют устные рассказы каждой из обозначенных групп; особо важными и ценными для нас являются устные рассказы о духовной жизни поселений, поскольку они представляют единственный источник о существовании старообрядцев на Южном Урале. Рассмотренные рассказы представляют собой «драгоценный историко-этнографический источник» [4], потому они требуют особого внимания и изучения.

#### Примечания

1. Государственный Архив Оренбургской Области (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 239, л.1).
2. ГАОО (ф. 13, оп. 1, ед. хр. 504, л. 5 – 5 об.).
3. ГАОО (ф.172, оп. 1, ч. 2, д. 2175, 44 л.).
4. Пропп В. Я. Поэтика фольклора (Собрание трудов В.Я. Проппа) / Сост., предисл. и коммент. А.Н. Мартыновой. – М.: Лабиринт, 1998. – С.169..

## ХРАМ В РУССКИХ ГОРОДСКИХ ПЕСНЯХ

В.А. Поздеев  
г. Киров

Русский город как упорядоченная структура имеет свои доминанты. Центральная укрепленная часть города называлась «детинцем», а с XIV века – «кремлем», в котором строили главный городской собор, дворцовые церкви, хоромы князей, высшей знати, жилища дружинников и их челяди. В самом городе или поблизости строились монастыри, которые включали в себя один или несколько храмов. На Руси длительное время шла своеобразная борьба между язычеством и христианством, и именно города стали проводниками новой религии и культуры.

В народном сознании, творчестве и, в частности, в духовном стихе, как пишет Г.Федотов, «слово «церковь» никогда не употреблялось в стихах в богословском смысле, но всегда в конкретном смысле храма». <sup>1</sup> Постичь идею христианского храма только через канонические трактовки довольно сложно, так как образ Храма, вобрав в себя каноны человеческого бытия, растворился во множестве духовных и материальных реалий. Религиозная идея христианского храма – это то пространство, в котором пробуждается